

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА

УДК 882-821

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-150-159

КУЛЬТУРНЫЙ КОСМОС ПЕРЕВОДОВ Н. М. КАРАМЗИНА: АВТОРЫ, СТРАНЫ, КОНТИНЕНТЫ

О. Б. Кафанова

Государственный университет морского и речного флота, Санкт-Петербург

Актуальность изучения переводного наследия Н. М. Карамзина состоит в его неотделимости от всего творчества великого деятеля русской культуры. Он занимался переводами на протяжении двадцати лет (корпус переводов составляет около 300 текстов), постоянно обращаясь не только к литературам Европы, но и культурам Азии, Африки и Америки. Задачей предлагаемой статьи является попытка обобщенно представить все переводы Карамзина как культурный космос, в котором присутствуют десятки авторов, стран и главные континенты. «Всемирная отзывчивость» Карамзина – писателя и переводчика – сформировалась уже в «Московском журнале», издании нового типа, учитывающем опыт европейской периодики. Осуществить новаторский замысел Карамзину помогли переводы, тщательно подобранные и коррелирующие с оригинальными сочинениями. Благодаря амбивалентной роли писателя и переводчика Карамзину удалось создать авторский журнал, подчиненный цели утверждения сентиментализма. В «Вестнике Европы» переводы помогали формировать не только литературную часть, но и раздел политики. Задолго до возникновения понятия «глобализм» Карамзин стремился воспринимать мир в его единстве, чему во многом способствовали его путешествия по Европе, личное знакомство и общение с выдающимися представителями европейской культуры, а также его интенсивная переводческая деятельность.

Ключевые слова: *переводческая деятельность, литература Европы, культуры Азии, Африки, Америки, культурный космос.*

Актуальность изучения переводного наследия Н. М. Карамзина, 250-летие со дня рождения которого отмечалось в 2016 г. во всем мире, состоит в его неотделимости от всего творчества великого деятеля русской культуры. Карамзин занимался переводческой деятельностью двадцать лет, с 1783 до 1803 г. Удалось установить более 300 наименований, из которых примерно 80 % атрибутировать [1].

Задачей предлагаемой статьи является попытка обобщенно представить все переводы Карамзина как культурный космос, в котором присутствуют десятки авторов, стран и даже континентов. Переводы связаны со всеми аспектами и видами творческого наследия Карамзина.

Они соучаствовали в утверждении сентименталистской эстетики и поэтики, способствовали формированию жанра повести Карамзина, переводы являлись важной составной частью карамзинской журналистики, помогая структурировать издаваемые им журналы, в особенности «Московский журнал» и «Вестник Европы», а также обходиться без сотрудников, создавая периодические издания нового типа, по «западному» образцу. При этом сам Карамзин выполнял амбивалентную роль автора и переводчика. Отдельного разговора заслужи-

вает и вопрос об особом этапе в истории художественного перевода в России, который можно назвать «сентименталистским» [2].

Наконец, огромное переводное наследие Карамзина (девять томов переводов и многочисленные журнальные публикации, не вошедшие в него) имело и самоценное значение. Карамзин впервые открывал многих авторов и их сочинения русскому читателю.

Круг интересов Карамзина – переводчика и журналиста – поражает своей масштабностью. Он публикует переводы античных и средневековых авторов, обращается к разным национальным литературам Европы и Азии, не забывая Америку, «Новый свет» с формирующейся трудовой этикой. В последний период – время издания «Вестника Европы» – в поле зрения Карамзина попадают события, происходящие в разных частях мира – Африке, Китае, Японии, на островах Гаити, Цейлон и многих других местах. И задавать эту масштабность Карамзину помогали переводы.

Можно перечислить отдельных авторов художественных произведений, работа над переводами которых имела для Карамзина и русского читателя особое значение. Если расположить их в хронологическом порядке, то это:

С.-Ф. де Жанлис, У. Шекспир, Г. Э. Лессинг, Ж.-Ф. Мармонтель, Л. Стерн, Оссиан (Дж. Макферсон), Калидаса, Ж. де Сталь, Бюффон, Б. Франклин. Это те художники слова, которые отличались ярким индивидуальным стилем, что заставляло Карамзина задумываться о его передаче – впервые в истории переводческого дела в России. В зависимости от времени, конкретных целей и задач это удавалось в большей или меньшей степени. Мы можем остановиться только на нескольких из них.

Прежде всего это ранний перевод прозаического цикла С.-Ф. Жанлис «Les Veillées du château» («Вечера в замке»), который был связан с выработкой сентименталистской стилистики и знакомством с некоторыми элементами жанра «нравоучительной сказки», ставшей предтечей сентиментальной повести [3]. В новиковском журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1787–1788) юный Карамзин поместил пятнадцать историй под общим названием «Деревенские вечера», двенадцать из которых были взяты им из цикла Жанлис. Основная его часть представляет собой своеобразные уроки нравственности, преподанные маркизой Клемир ее детям, с которыми она живет в своем загородном доме под Парижем. Главный лейтмотив состоял в проповеди действенного сочувствия ко всем несчастным, обездоленным и неимущим. Именно при знакомстве с этим циклом Карамзин впервые встретился с понятием, ставшим центральным как в его собственной философско-эстетической концепции, так и в сентиментализме в целом. Жанлис обозначила первый этап осмысления и овладения инструментарием передачи чувствительности в ее еще довольно ограниченном значении. Переведя полностью три тома «Вечеров в замке», Карамзин репрезентировал новый в отечественной словесности тип литературы для юношества.

Что касается переводческих принципов Карамзина, то в этом случае можно говорить о переходном этапе. Он русифицировал композиционную рамку цикла, перенес действие из Парижа в Москву и из имения Шамперси в село Уединенное. Он изменил также имена и фамилии персонажей, сделав их «говорящими» и наделив смысловой значимостью. В русском переводе фигурирует госпожа Добролюбова, госпожа Правосудова, «пожилой студент» Своемыслов (в оригинале l'abbé Grémont – аббат Фремон), господы Любов, Сохин, Чванов, Чудин, Худонравов и др. Этот прием русификации сближал Карамзина с В. Лукиным, прибегавшим к «склонению на русские нравы», или Д. И. Фонвизиним – создателем национальной комедии.

Описание жизни семейства Добролюбовых в деревне приведено в соответствие и национальными условиями. Карамзин ввел много понятий, свя-

занных с русским культурным и социальным бытом: «горница» (logement, chambre), «девка» (femme de chambre), «кафтан» (habit), «мужик» и др. Он намеренно заменял предметы одежды. Все эти приемы вполне вписываются в парадигму классицизма [4]. Однако стилистический уровень перевода неизменно повышался от истории к истории. Вначале в нем встречалось много калек с французского и буквализмов. За два года работы над циклом Жанлис Карамзин приобрел опыт передачи единого лексического и стилистического комплекса, вырабатывая способы изображения эмоционального состояния «чувствительного» человека. В годы своего литературного ученичества, отыскивая способы воспроизведения лексических и фразеологических особенностей произведений Жанлис, Карамзин постепенно разрабатывал сентименталистскую стилистику. Очень показательно в этих переводах обилие эмоционально-оценочных прилагательных:

«нежные ласки» – «les tendres caresses»;
«нежные попечения» – «les tendres soins»;
«неизъяснимое удовольствие» – «la satisfaction inexplicable»;
«трепещущие руки» – «les mains tremblantes»;
«горестные мысли» – «les réflexions accablantes»;
«непреодолимый ужас» – «une certaine terreur insurmontable»;
«печальная повесть» – «ce triste récit»;
«мучительное воспоминание» – «des souvenirs importuns».

Таким образом, воспроизводя описания «слез и вздохов», Карамзин создавал «психологическую терминологию» [5], подготавливая тем самым элементы собственной поэтики. К Жанлис Карамзин обратится вновь в период издания «Вестника Европы», а позже отдельно выпустил два тома «Повести г-жи Жанлис» (1802–1893; 1816).

Перевод «Юлия Цезаря» (1787) Карамзина стал очень важным этапом в истории русского шекспиризма, особенно благодаря Предисловию, в котором молодой переводчик выразил передовые для Европы мысли о глубоком психологизме трагедии. Это, как удалось установить, Карамзин смог сделать благодаря обращению к лучшему на то время немецкому переводу-посреднику И. Эшенбурга и статье Виланда [6]. В целом этот перевод страдал еще многими недостатками (к которым относятся буквализмы, смешение высокого и низкого стилей, просто ошибки), преодоленными Карамзиным впоследствии. На атрибуции этого перевода необходимо остановиться подробнее в связи с часто повторяющимися ошибками.

Долгое время спорным оставался вопрос об источнике перевода. Н. И. Мордовченко полагал, что

Карамзин обращался не к оригиналу, а к французскому прозаическому переводу-посреднику Пьера Летуэрнера [7, с. 27]. Аналогичной точки зрения придерживался и В. И. Кулешов [8, с. 55]. Основанием для такого предположения послужила включенная в предисловие Карамзина краткая характеристика Брута, взятая якобы из комментариев к французскому изданию трагедии. Другие исследователи, сопоставившие русский перевод с французским, а затем с оригиналом, полагали, что у Карамзина присутствует «английское» деление на акты и сцены и одновременно отсутствуют многочисленные ремарки, введенные французским переводчиком [9].

Действительно, в переводе Летуэрнера, опубликованном в 1776 г., каждый из четырех первых актов пьесы подразделяется на семь, а пятый – на девять сцен, в то время как у Карамзина четыре акта состоят из трех явлений, а последний – из пяти. Но подобное деление было принято в основных английских изданиях Шекспира первой половины XVIII в. – А. Попа, Л. Тиболда, У. Уорбертона. Только С. Джонсон и Д. Стивенс ввели в своих изданиях (1773, 1778, 1786) иное деление, сохранившееся в основном до наших дней. К этому времени Франция и Германия имели уже довольно развитую традицию восприятия Шекспира, начатую Вольтером. Его позиция была достаточно противоречивой: с одной стороны, он восхищался Шекспиром как гением, после того как увидел его пьесы в Лондоне в 1730 г. С другой, Вольтер обратился с письмом в Академию (публично зачитанном 25 августа 1776 г.), в котором говорил о «варварстве» Шекспира. Крупнейший теоретик позднего классицизма Ж-Ф. Лагарп в «Литературной корреспонденции» (письмо 43-е от 1776 г.) также называл Шекспира «варварским автором варварского века», писавшим «чудовищные пьесы», а восторженный тон предисловия Летуэрнера считал смешным [10].

П.-П.-Ф. Летуэрнер (Le Tourneur, 1737–1788) по сути впервые познакомил французского читателя с Шекспиром, полный театр которого в 20 томах он выпустил в 1776–1783 гг. Он даже заслужил упреки в том, что слишком увлекшись Шекспиром, сделался несправедливым по отношению к французскому театру. Почти одновременно в Цюрихе вышло немецкое издание 22 пьес Шекспира в восьми томах в переводах Борка и Виланда. Потом, в 1775–1777 гг., И. И. Эшенбург (Eschenburg, 1743–1820), профессор брауншвейгского университета, продолжил труд Виланда. Он исправил переводы своих предшественников и добавил перевод еще пятнадцати пьес. Таким образом, переводы Летуэрнера и Эшенбурга появились почти одновременно. Любопытно также, что французский переводчик учел опыт немецкой рецепции; он процитировал «Отрывок» из предисловия Эшенбурга в седьмом

томе своих переводов. Хотя он и перепутал фамилию немецкого переводчика (*Eschenberg* вместо *d'Eschenburg*, поскольку семантика *Berg*, «горы» по-немецки была ему понятнее), но он воспроизвел его метод и принципы перевода, среди которых был и очень важный, касающийся собственно передачи индивидуального стиля:

«Я не ограничился соблюдением точности перевода; я сделал все возможное, чтобы сохранить колорит этого творческого гения» [11].

Таким образом, Эшенбург продемонстрировал для своего времени необычайно бережное отношение к текстам Шекспира, приблизившись к принципам научного издания. Юный Карамзин оказался перед сложным выбором. Переводы Летуэрнера были новаторскими для своего времени, но контекст классической драматургии, в котором создавался французский перевод, очень сильно повлиял на его стиль. Строгое соблюдение правил трех единств, сведение к минимуму действия на сцене, повсеместно используемый александрийский стих противоречили поэтике шекспировского театра, которому свойственны перемена места и действия, смешение высокого и низкого, трагического и комического. Шекспир Летуэрнера стал, таким образом, почти классическим, «усвоив» очень медленное развитие монологов и полное отсутствие жанровой диффузии [12].

Карамзин, очень плохо владевший английским языком в этот период, мог обратиться только к переводу-посреднику. Сравнение русского перевода с вариантами Летуэрнера и Эшенбурга доказывает, что его основным источником был немецкий перевод-посредник, лучший на то время, до появления новых немецких переводов А. Шлегеля. В специальном предисловии Эшенбург напомнил об огромных трудностях, связанных с переводом всего Шекспира. Он не считал свой труд безупречным, а лишь выражал надежду, что благодаря большой подготовительной работе Виланда ему удалось «на несколько ступеней» приблизиться к «возможному совершенству». Он обращал внимание не только на точность, но на передачу, по возможности, «своеобразного отпечатка» («*das eigenthümliche Geräthe*») «великого оригинала» [13].

Вслед за Виландом Эшенбург переводил прозой. По его признанию, он справлялся со многими изданиями Шекспира и к переводу приступил после серьезного и длительного изучения наследия английского драматурга [14]. Гердер и Гёте оценили добросовестность и честность ученого; Лессинг с полным доверием относился к его знаниям. Сам Виланд приветствовал появление нового, «улучшенного и усовершенствованного» перевода Шекспира [15]. Таким образом, Карамзин обратился к лучшему на то время из возможных переводов-посредников, избрав язык, кото-

рым уже хорошо в ту пору владел. Деление на акты и сцены, так же как и все примечания в карамзинском тексте, восходит к переводу Эшенбурга. Некоторые примечания в русском переводе совершенно идентичны немецким комментариям даже по своей лексико-грамматической форме, например:

Текст Эшенбурга:

«Eine gewöhnliche Uebung des zu Kriegsdiensten bestimmten Römischen Adels. Horaz sagt daher von einem durch die Liebe entnervten Jünglinge: Cur timet flavum Tibrum tangere? – Sueton's Zeugnis war Cäsar ein sehr geschickter Schwimmer. Warburton» [16, s. 334]:

Перевод Карамзина:

«Обыкновенное упражнение римских Патрикиан, определенных к военной службе. Почему Гораций говорит об одном юноше, пораженном любовью: Cur timet flavum Tibrum tangere? – По Свенову свидетельству, Цезарь был весьма искусен в плавании» [17, с. 18].

При этом в передаче сравнений, метафор и эпитетов он точно следовал за немецким переводчиком. Карамзин зачастую сохранял и порядок слов, свойственный немецкому синтаксису, что особенно ясно проявлялось в необычной для русского языка постановке сказуемого на последнее место в придаточных предложениях.

Перевод Карамзина:

«Антоний: Я <...> причинил бы зло Бруту и Кассию, которые, как известно вам, добрые люди суть» [17, с. 82].

Это неудачная калька с немецкого: «so würd' ich dem Brutus und Cassius Uebels zufügen, die, wie ihr alle wisst, ehrenwerthe Männer sind» [16, s. 395].

Вместе с тем «ученичество» Карамзина проявилось и в смешении стилей. Несмотря на то, что впоследствии он постоянно осуждал пристрастие к книжности и канцеляризмам (особенно в драматических переводах), сам он не мог избежать подобных недостатков в своем раннем опыте. Его перевод изобилует канцелярскими оборотами:

«Кассий: И будем клясться в непрременном произведении в действо нашего предприятия» [17, с. 40];

«Метелл: Он необходимо должен быть с нами» [17, с. 42].

«Брут: ...он мне друг, и имеет причину быть таковым» [17, с. 45];

«Брут: Нетерпение в рассуждении моей отлучки...» [17, с. 107].

В целом карамзинский перевод, несмотря на недостатки, явился важным фактом русской литературной жизни конца XVIII в. Это был первый русский перевод Шекспира, близкий к оригиналу, передающий его острую политическую направленность и до известной степени эстетическую ценность. Предисловие к переводу имело самостоятельное значение: содержащиеся в нем суждения

о Шекспире были новым словом в истории русской литературы и критики. К сожалению, несмотря на научный факт установления источника карамзинского перевода, до сих пор появляются неаргументированные ошибочные утверждения, что Карамзин переводил с оригинала [18].

Заслуживает особого упоминания еще один ранний перевод Карамзина. Это трагедия «Эмилия Галотти» Лессинга (1788), по-настоящему удачно и талантливо переведенная Карамзиным. Он готовил перевод специально для театральной постановки, и ему удалось передать как содержательный, так и эмоционально-психологический потенциал оригинала. Карамзин смог донести тирано-борческий пафос пьесы и реализовать весь драматургический потенциал пьесы Лессинга, используя при переводе лексику, синтаксис и пунктуацию, способствовавшие общей психологизации стиля. Развернутую характеристику трагедии он дал в обстоятельной рецензии на театральную постановку пьесы. Не случайно она помещена в первой книжке «Московского журнала», как бы знаменуя ориентацию всего издания на новые преромантические тенденции в искусстве и глубокий психологизм:

«Немного найдется драм, которые составляли бы такое гармоническое целое, как сия трагедия, – в которых бы все приключения так хорошо связаны и все характеры так искусно изображены были, как в Эмилии Галотти. Главное действие возмутительно, но не менее того естественно. <...> Что принадлежит до характеров, то не знаю, в каком наиболее удивляться искусству автору. Гордый, благородный Одоардо, чувствительная, пылкая Эмилия; сладострастный, слабый, но притом добродушный принц, могущий согласиться на великое злодеяние, когда то способствует удовлетворению его страсти, но всегда достойный нашего сожаления <...>» [19, с. 63, 71]. Карамзин относит это произведение к суггестивно воздействующим на чувствительного реципиента. Поступок отца, заколовшего любимую дочь, чтобы спасти ее от произвола и бесчестия, по его мнению, «раздирает душу чувствительного зрителя» [19, с. 70].

Таким образом, уже в ранний период своей переводческой деятельности Карамзин обратился к авторам, которые являлись представителями главных европейских стран – Великобритании, Франции, Германии. Если добавить переводы идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (1793) и поэмы Галлера «О происхождении зла» (1786), а также «Со-зерцание природы» Ш. Бонне (1787), то выявляется еще четвертая страна – Швейцария. Любопытно, что уже через отбор произведений для перевода Карамзин по сути выказал интерес к тем странам, которые он выбрал для своего путешествия по Европе 1789–1790 гг.

«Московский журнал» (1791–1792) стал явлением исключительным в русской журналистике по многим своим параметрам. Карамзин взялся за его издание, обогащенный своими встречами с выдающимися учеными, философами, писателями Европы, познакомившийся с лучшими европейскими театрами и периодическими изданиями. В целом можно сказать, что структурировать рубрики, предвосхищающие композицию будущих русских «толстых» журналов, ему помогли в основном французский и немецкий дискурсы. Они были самыми важными, сквозными, доминирующими в его переводном творчестве, поскольку Карамзин лучше всего владел французским и немецким языками, которым обучался с детства. Английский он знал хуже, особенно до своего путешествия в Европу, в чем сам признавался. Во многом благодаря переводам были сформированы такие отделы, как «Словесность», «Критика», «Библиография», «Театр», «Смесь». К этому времени сложилась идентификационная система Карамзина-переводчика, которой он будет пользоваться впредь, позволяющая всегда безошибочно отделить оригинальное наследие от переводного. В этом состояло принципиальное отличие его деятельности от практики, принятой в переводческой практике XVIII в.

Самые выдающиеся авторы и произведения указывались полностью (иногда и на языке оригинала) и, как правило, сопровождалась предисловиями, пояснениями или примечаниями, в которых давалась краткая характеристика и раскрывалась их значимость. Развернутыми предисловиями сопровождалась, например, «Сцены из Саконталы» Калидасы, поэмы Оссиана, отрывки из романов Л. Стерна под названием «Мария». Несколько более скромными пояснениями и комментариями Карамзин снабдил публикации переводных произведений Ж.-Ф. Мармонтеля, Ж. К. Флориана, Ж. де Сталь, С.-Ф. Жанлис и других известных прозаиков конца XVIII – начала XIX в.

Единичные художественные переводы, сделанные им с английского языка и требовавшие особых усилий в связи с передачей индивидуального стиля автора («Мария» Стерна, «Картон» и «Сельмские песни» Оссиана), имели соответствующее пояснение: «Перевод с английского».

Большой пласт переводов представляли собой публикации из периодических изданий. Среди них были материалы исторического, философского, психологического характера. В этом случае Карамзин, как правило, указывал не только автора, произведение, но и источник, из которого было взято то или иное сочинение для перевода.

Из публикаций, составляющих раздел словесности (у Карамзина он не выделен), хочется осо-

бенно отметить два перевода «Московского журнала». Прежде всего это песни Оссиана. Показательно, что Карамзин первым из русских переводчиков перевел их с английского оригинала, минуя французское посредничество. Как известно, Е. И. Костров годом позже перевел все поэмы, но уже с перевода Летурнера [20].

Разделяя идею Гердера о способности всех народов к поэтическому творчеству, не уступающему древнегреческому искусству, Карамзин с большим вниманием отнесся к оригинальному источнику. Он отразил эту мысль в «Письмах русского путешественника», описывая свою беседу с Гердером о немецких переводах с греческого (20 июля 1789 г.): «Гомер у них Гомер: та же неискусственная благородная простота в языке, которая была душой древних времен, когда Царевны ходили по воду и Цари знали счет своим баранам» [21].

В Предисловии к своему переводу «Картона» Карамзин отмечал: «Я старался, сколько можно, удержать в переводе оригинальность Оссианова языка» [22, с. 118]. Впервые он так определенно высказался о своем стремлении сохранить своеобразие стиля подлинника. Понятие об индивидуальном стиле, к которому подошел Карамзин, могло возникнуть только в связи с новыми эстетическими взглядами, отвергающими в искусстве каноны классицизма. В классической парадигме понятие «слог» имело в большей мере жанровую и тематическую обусловленность. Например, М. И. Попов в предисловии к своему переводу «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо замечал: «...слог старался я наблюдать таков, каково требовало вещество в понимании сея поемы, в которой царствуют повсюду великолепие, любовь и нежность» [23].

Карамзинские переводы «Картона» и «Сельмских песен» не уступали лучшим европейским переводам Оссиана, в том числе и немецким [24]. Сам выбор этих поэм был не случаен, поскольку при небольшом объеме они вобрали в себя в концентрированном виде основные особенности и главные мотивы оссиановской поэзии. Точно следуя английскому тексту Макферсона, Карамзин передал не только свойственные оригиналу меланхолическую тональность, напевность и психологизм, но и сохранил особенности образной системы. В отличие от П. Летурнера, который несколько «улучшил» Оссиана согласно принятым во Франции литературным нормам, Карамзин в основном воспроизвел ритм английского текста (образуемый краткими, отрывистыми предложениями), живописность описаний и многочисленные эпитеты и сравнения из мира природы, необычные для европейских читателей:

Текст Макферсона	Перевод Карамзина
«He stands, in the midst, like a pillar of fire; the tear half-starting from his eye» [25, с. 78].	«Он стоял посреди их подобно столпу огненному, слеза готова была выкатиться из ока его» [22, с. 135].
«They fought, like two contending winds, that strive to roll the wave» [25, с. 81].	«Они бились, подобно двум борющимся ветрам, стремящимся волновать море» [22, с. 139].
«Who comes so dark from ocean's roar, like autumn's shadowy cloud? Death is trembling in his hand! His eyes are flames of fire» [25, с. 84].	«Кто идет так страшно от шумного моря? Подобен он облаку осени мрачной. Трепещет смерть в его руке: как огонь, как пламя взор его» [22, с. 144].

Карамзин сохранял всю конкретную предметность поэтической системы шотландского барда, в отличие от французских и немецких переводчиков [24]:

Текст Макферсона	Перевод Карамзина
«The deer of the mountain avoids the place, for he beholds a dim ghost standing there» [25, с. 69].	«Горный олень убегает сего места, видя мрачного духа, там стоящего» [22, с. 121].
«The fox looked out from the windows, the rank grass of the wall waved round its head» [25, с. 74].	«Лисица выглядывала из окон; тихая трава стен вокруг головы ее колебалась» [22, с. 121].

Именно в этом переводе впервые встречаются те образные выражения, которые в силу своей необычности запомнились Карамзину и вводились им впоследствии в тексты собственных произведений:

«чаша радости» [22, с. 124] – «the jey of the shell» [25, с. 72];

«сын ярых волн» [22, с. 138–139] – «son of the wave» [25, с. 81];

«сын океана» [22, с. 139] – «son of the sea» [25, с. 81];

«тесный дом», то есть гроб [22, с. 140] – «the narrow house» [25, с. 188].

Вместе с попыткой ритмизации переводной прозы у Карамзина заметна и некоторая склонность к стилистической возвышенности. В тексте встречаются не свойственные его собственной художественной стилистике 1790-х гг. архаические славянизмы: «власы», «глас», «чертог», «око», «вран», «зреть», «ветр», «злато», «сопутники», «чело», «подъемлет», «вопросить», «восстать», «оный», «толико», «сей». Именно переводы Карамзина из Оссиана дали повод А. С. Шишкову для критики в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803). Ему было непонятно уважение к своеобразному, нарушавшему устоявшиеся нормы, стилистическому строю.

«Ежели бы Оссиан, – рассуждал он, – описывая царя, сказал: *он подымает красное око свое* (ср.:

«he lifts his red eye», 70); я бы перестал его читать. Ежели бы он, говоря о долине или поле, возгласил: *там мох шептался с ветром и лисица выглядывала из окон* (the moss whistled to the wind. The fox looked from the windows», 74); я бы захохотал во все горло. Ежели бы он, изображая красавицу, написал: *она пришла на берег, и в слезах обращала красное око свое* («Moina came to the shore; and rolled the red eye if her tears...», 73), я бы подумал: какая же это красавица, когда у ней один глаз, и тот красный, следовательно, больной» [26] (английские вставки мои. – О. К.).

Этот интерес к своеобразной образности не был единичным в «Московском журнале». Наряду с интересом к поэзии средневекового шотландского барда Карамзин-переводчик обратился и к древней индийской драме Калидасы «Шакунтала». Он ограничился переводом двух действий под названием «Сцены из Саконталы», воспользовавшись немецким переводом-посредником Георга Форстера (Forster, 1754–1794). «Саконтала» в переводе Карамзина подверглась «сентиментализации», что выражается в употреблении сентименталистской лексики, стилистики, синтаксиса. Второй аспект связан с особым стилистическим кодом, аналогом индивидуального, авторского стиля. Это флористический код, который необходим для характеристики внутреннего мира Саконталы, ее переживаний и предчувствий. Она живет в лесу, на лоне природы, сама олицетворяя окружающую ее флору и читая ее значения. Так появляется сравнение Саконталы с «водяной лилией» или упоминается «мадгавинный куст», расцветший раньше срока и предвещающий обретение супруга. Таким образом, у Карамзина получилась сентименталистская драма, дополняющая оригинальную и переводную прозу и выражающая «чувствительность» средствами драматургической поэтики.

Карамзин словно задался целью продемонстрировать, что «чувствительность» как комплекс простоты, естественности и эмоциональности в изображении природы и внутреннего мира человека свойствен авторам разных культур и эпох. «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник его удовольствий. <...> Калидас для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук природы и оба изображали – натуру», – утверждал он [27, с. 125].

В разделе «О иностранных книгах» Карамзин помещает очень интересный материал, свидетельствующий о разнонаправленности своих интересов. Уже в первом номере журнала появляется ре-

цензия С.-Р. Н. де Шамфора, переведенная из *Mercurie de France*, посвященная путешествию Ле Вайяна вглубь Африки. В другом номере он сообщает о выходе во Франции «Жизни Бенжамина Франклина, написанной им самим и адресованной его сыну».

Таким образом, в «Московском журнале» Карамзин благодаря переводам расширяет пространственные границы изображаемого до целых континентов: Европа, Азия, Африка, Соединенные Штаты (или «Области») Америки предстают на его страницах в художественных произведениях, описаниях путешествий, сообщениях о книгах.

В разделе «Смесь» в «**Московских ведомостях**», который Карамзин составлял в 1795 г., многие переводные публикации отражали его постоянный интерес к описанию разных путешествий и выдающихся путешественников. Карамзину интересен весь мир, его любопытство распространяется на далекие континенты и страны. Из путешествия И. Р. Форстера (отца Георга Форстера) он берет подробное описание острова Отагити (как в то время называли Таити), продолжающееся в четырех номерах [28], публикует «Отрывок из Меллерова путешествия» [29], а из «одного немецкого журнала» заимствует сообщение об аборигенах Гвинеи: «На берегах Гвинеи кочуют дикие народы, из которых каждый имеет своего царя или Касика...» [30].

В кризисные для себя 1793–1798 гг. Карамзин предпринял ряд новых интересных переводов. Один из них – впервые появившаяся на русском языке новелла Жермены де Сталь «*Zulma: fragment d'un ouvrage*», которая вошла в трактат «О влиянии страстей на счастье индивидуумов и наций» («*De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations*», 1794). **Знаменательно, что свой перевод Карамзин предварил посвящением Настасье Ивановне Плещеевой и краткой аннотацией сочинения:** «Вот живая пламенная картина страсти! Одна чувствительная женщина может писать такими красками».

Эта характеристика выглядит парадоксальной, поскольку «*Zulma*», **выбранная Карамзиным**, – яркое преромантическое произведение о страстной девушке, способной из-за измены своего возлюбленного совершить убийство и самоубийство. В оригинальных сочинениях Карамзина «чувствительные» героини (например, Лиза) прибегают к самоубийству. В этом случае изображено убийство – акт, выходящий за пределы повседневности и обыденности и даже противоречащий христианской этике. Но Карамзин своей интерпретацией оправдывал героиню, вслед за автором, а писательницу, ее изобразившую, назвал «чувствительной». Еще более парадоксальным выглядит изменение имени героини: если у Ж. де Сталь восточная девушка, способ-

ная к саморефлексии благодаря полученному образованию, имеет соответствующее ее национальности имя Зюльма, то Карамзин дает героине нежное имя Мелина, которое больше подходит женским персонажам слезных драм («Мелина», 1796).

В 1794–1798 гг. Карамзин выпускает два тома «Новых Мармонтелевых повестей, впервые прибегая к попытке циклизации. Беллетристические сочинения Ж.-Ф. Мармонтеля (Marmontel, 1723–1799) наиболее полно отвечали вкусам Карамзина, именно поэтому он не ограничился отдельными повестями, а создал свой цикл, отличающийся от оригинального. Он выбрал восемь из пятнадцати историй, выстроив их согласно собственным предпочтениям. Сюжеты, посвященные проблемам взаимоотношений между влюбленными или супругами, получили у него универсальное общечеловеческое звучание, выходящее за пределы жизни современного французского общества.

«**Пантеон иностранной словесности**» (1798) – издание, состоящее исключительно из переводов. В трех книжках Карамзина разместил 39 переводных произведений (или фрагментов). По словам самого Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву, он хотел представить «лучшие места из лучших иностранных авторов, древних и новых; иное для идей, иное для слога» [31].

«Пантеон» любопытен тем, что Карамзин соединил в нем авторов Древнего Рима, восточного Средневековья, итальянского Возрождения и Просвещения. Цицерон, Саллюстий, Лукан, Плутарх, Тацит соседствуют в нем с Саади, Тассо, Руссо, Монтескье, Бюффеном, Бартеlemi, а также произведениями Морица, Франклина, Мэкензи, Бейджа, Годвина, Голдсмита и некоторых анонимных авторов.

Вместе с тем – и это особенно любопытно – Карамзин попытался дать образы отдельных восточных культур в своеобразных микроциклах. Самый репрезентативный из них посвящен Персии. Это, во-первых, два отрывка из персидской поэзии – «Бустана» Саади: «Последняя слова Козроэса Парвиса, сказанные им сыну своему (Перевод из персидской книги Бостана, сочиненной поэтом Сади)» и «Мысли об уединении. Переведены из той же Саадиевой книги». Затем следует просветительская рефлексия Персии в миниатюрной повести французского писателя Л. М. Бланкар-Сет-Фонтана «Дервиш в глубокомыслии», и, наконец, Карамзин изображает реальную страну с ее контрастами и живописными подробностями в переводном «Путешествии по Персии генерал-викария Бошана». Таким образом, в микроцикле предстает Персия «чувствительная», мудрая и реальная, изображенная в контрастах.

Наконец, последний журнал Карамзина «**Вестник Европы**» (1802–1803) содержит уже 140 переводных текстов. Раздел Политики, выведенный на равноправное с Литературой положение, требовал обращения к событиям, происходящим в разных странах. Сама реальная действительность подтвердила тенденцию Карамзина к тому, что в настоящее время называется глобализмом. Завоевания Наполеона, научные открытия и путешествия приблизили к Европе Азию и Африку, далекие острова Гаити, Цейлон и Сан-Доминго. Карамзин продолжал публиковать сообщения о многочисленных путешествиях. Среди наиболее значительных материалов можно назвать «Египетские происшествия», «Бонапарте в пирамиде», «Письмо из Кохинхины», «О последних военных действиях в Египте», «Пасван Оглу», «Письмо из Константинополя», «Египетские происшествия. Письмо английского офицера из лагеря при Александрии от

14 окт.», «О провинциальном начальстве в Оттоманской Империи. (Из нового Оливьерова путешествия)», «Новейшая история и статистические достопримечательности Китая» и многие другие.

Культурный универсум карамзинских переводов призван был доказать, что чувствительность и просветительские идеалы распространены во всем мире. Позиция «гражданина мира», которую занял Карамзин, обеспечивала отбор материала, его талантливое представление и комментирование. Одни специалисты признают, что Карамзин стоит у истоков русско-индийских литературных связей. Другие считают, что он начинает русско-персидские культурные отношения. Такова поразительная широта интересов Карамзина. Принципиально новое отношение к миру, восприятие народов, культур и цивилизаций в их единстве определяли убеждения Карамзина, который полагал, что будущее народов связано с совершенствованием человечества.

Список литературы

1. Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 319–327; Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803) // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 249–283.
2. Кафанова О. Б. Н. М. Карамзин – теоретик и критик перевода (К постановке вопроса о сентименталистском методе перевода) // Художественное творчество и литературный процесс. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. Вып. 3. С. 142–155.
3. Kafanova Olga. Karamzin, traducteur et interprète des Contes moraux de J.-F. Marmontel et de S.F. de Genlis // Revue des études slaves. 2002–2003. T. 74, fas. 4; Le sentimentalisme russe. P. 741–757.
4. Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы: сб. ст. / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–63.
5. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. С. 314.
6. Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература. 1983. № 2. С. 158–163.
7. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 451 с.
8. Кулешов В. И. История русской критики XVIII–XIX веков. М.: Просвещение, 1978. 525 с.
9. Карамзин Н. М. Избранные соч. с биографическим очерком, вводными заметками <...> Льва Поливанова. М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1884. Ч. 1. С. 18–22, 25–33. 510–512.
10. Lacroix A. Histoire de l'influence de Shakespeare sur le théâtre français jusqu'à nos jours. Bruxelles, Lesigne, 1856. 359 p.
11. Remarques de M. Eschenberg // Shakespeare traduit de l'anglais, dédié au roi par M. Le Tourneur. Paris. T. VII. P. xxix–xxx.
12. Bouillet M. N. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie. Paris: Hachette, 1858. T. 2. P. 1036.
13. Vorbericht // William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg. Zürich: Orell, Geßlert, Fueslin und Comp., 1775. Bd. I. S. 5–10.
14. An das Publikum, wegen des in Mannheim veranstalteten Nachdrucks des deutschen Shakespearen // William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg. Bd. 13. S. 469–470.
15. Genée R. Geschichte der Shakespeare'schen Dramen in Deutschland. Leipzig, 1870. S. 100–101, 134–135, 236.
16. William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg. 1777. Bd. 9. S. 323–442.
17. Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекеспира. М.: Тип. компании Типографической, 1787. 136 с.
18. Фридштейн Ю. «У англичан один Шекспир». Вместо вступления // Уильям Шекспир. Юлий Цезарь / пер. Н. М. Карамзина. М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 9.
19. Московский журнал. 1791. Ч. 1, кн. 1. Январь. С. 62–79.
20. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец VII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1980. С. 27–31.
21. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 73.
22. Московский журнал. 1791. Ч. II, кн. 2, май.
23. Освобожденный Иерусалим, ироическая поэма итальянского стихотворца Тасса, переведена с франц. Михайлом Поповым. СПб.: при Имп. акад. наук, 1772. Ч. 1. (Предисловие).
24. Tombo R. Ossian in Germany. Bibliography, General Survey, Ossian's Influence upon Klopstock and the Bard's. New York, 1966.

25. The poems of Ossian. Translated by James Macpherson. In two volumes. London, 1796. Vol. I.
26. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб.: Имп. тип. 1803. С. 358–359.
27. Московский журнал. 1792. Ч. VI. Кн. 2. Май.
28. Московские ведомости, 1795. № 27. С. 657–659; № 28. С. 674–675; № 29. С. 687–688; № 30. С. 704.
29. Московские ведомости. 1795. № 73. С. 1404–1405.
30. Московские ведомости. 1795. № 82. С. 1404–1405.
31. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1866. С. 95.

Кафанова Ольга Бодовна, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет морского и речного флота (ул. Двинская, Санкт-Петербург, Россия, 198035). E-mail: olg_kaf@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11.04.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-150-159

THE CULTURAL COSMOS OF TRANSLATIONS BY N. M. KARAMZIN: AUTHORS, COUNTRIES, CONTINENTS

O. B. Kafanova

Admiral S. O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

The relevance of studying the translation heritage of N. M. Karamzin consists in his inseparability from the whole work of the great figure of Russian culture. The task of the proposed article is an attempt to generalize the presentation of all translations of Karamzin as a cultural cosmos, which contains dozens of authors, countries and the main continents. He was engaged in translation for over twenty years (he translated about 300 texts), constantly referring not only to European literature, but also to Asian, African and American cultures. The «world-wide responsiveness» of Karamzin as a writer and an interpreter was formed already in the «Moscow Journal» (1791-1792), the edition of a new type taking into consideration the experience of European periodicals. To carry out the novelty Karamzin used the translations thoroughly picked up and correlating with the original pieces. Thanks to the ambivalent role of a writer and a translator Karamzin was able to create an author journal aimed at the maintaining sentimentalism. In the «Messenger of Europe» (1802–1803) by N. M. Karamzin the translations helped to form not only a literary part, but also a section of Politics. Long before the genesis of the concept of «globalism», Karamzin had made an attempt to perceive the world in its unity. He was encouraged by his trip to Europe, personal acquaintance and contacts with the eminent representatives of European culture as well as by his intense translation activity.

Key words: *translation activity, European literature, Asian, African and American cultures, cultural cosmos.*

References

1. Kafanova O. B. Bibliografiya perevodov N. M. Karamzina (1783–1800) [Bibliography of translation by N. M. Karamzin (1783-1800)]. *Itogi i problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka. XVIII vek. Sb. 16* [Results and problems of studying Russian literature of the XVIII century. XVIII century. Col. 16]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. Pp. 319–327; Bibliografiya perevodov N. M. Karamzina v «Vestnike Evropy» (1802–1803). XVIII vek. Sb. 17 [Bibliography of translation by N.M. Karamzin in «Bulletin of Europe» (1802–1803)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1991. Pp. 249–283 (in Russian).
2. Kafanova O. B. N. M. Karamzin – teoretik i kritik perevoda (K postanovke voprosa o sentimentalistskom metode perevoda) [N. M. Karamzin – a theorist and critic of translation (To the formulation of the question of the sentimentalist method of translation)]. *Khudozhestvennoye tvorchestvo i literaturnyy protsess* [Artistic creativity and literary process]. Tomsk, TSU Publ., 1982, issue 3, pp. 142–155 (in Russian).
3. Kafanova Olga. Karamzin, traducteur et interprète des Contes moraux de J.-F. Marmontel et de S.F. de Genlis. *Revue des études slaves*. T. 74. Fas. 4. Le sentimentalisme russe. 2002–2003. Pp. 741–757.
4. Levin Yu. D. Ob istoricheskoy evolyutsii printsipov perevoda (K istorii perevodcheskoy mysli v Rossii) [On the historical evolution of the principles of translation (To the history of translation in Russia)]. *Mezhdunarodnye svyazi russkoy literatury: sb. st. pod red. M. P. Alekseeva* [International relations of Russian literature: Collection of articles. Ed. by M. P. Alekseev]. Moscow; Leningrad, Izd-vo ANSSSR Publ., 1963. Pp. 5–63 (in Russian).
5. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The problem of authorship and the theory of style]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. Pp. 314 (in Russian).
6. Kafanova O. B. «Yuliy Tsezar'» Shekspira v perevode N. M. Karamzina [«Julius Caesar» by Shakespeare in the translation of N. M. Karamzin]. *Russkaya literatura – Russian Literature*, 1983, no 2, pp. 158–163 (in Russian).

7. Mordovchenko N. I. *Russkaya kritika pervoy chetverti XIX veka* [Russian criticism of the first quarter of the XIX century]. Moscow; Leningrad, Izd-vo ANSSSR Publ., 1959. 451 p. (in Russian).
8. Kuleshov V. I. *Istoriya russkoy kritiki XVIII–XIX vekov* [The history of Russian criticism of the XVIII–XIX centuries]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1978. 525 p. (in Russian).
9. Karamzin N. M. *Izbrannye soch. s biograficheskim ocherkom i vvodnymi zametkami <...> L'va Polivanova. Ch. 1* [Selected works with a biographical sketch and introductory notes <...> of Lev Polivanov. Part 1]. Moscow, tip. M. N. Lavrova Publ., 1884. Pp. 18–22; 25–33; 510–512 (in Russian).
10. Lacroix A. *Histoire de l'influence de Shakespeare sur le théâtre français jusqu'à nos jours*. Bruxelles, Lesigne, 1856. 359 p.
11. *Remarques de M. Eschenberg. Shakespeare traduit de l'anglais, dédié au roi par M. Le Tourneur*. Paris. T. VII. P. xxix–xxx.
12. Bouillet M. N. *Dictionnaire universel d'histoire et de géographie*. T. 2, Paris: Hachette, 1858. P. 1036.
13. *Vorbericht. William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg*. Zürich: Orelli, Geßnrt, Fueßlin und Comp. Bd. I. 1775. S. 5–10.
14. *An das Publikum, wegen des in Mannheim veranstalteten Nachdrucks des deutschen Shakespearen. William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg, op. cit. Bd. 13. S. 469–470.*
15. Genée R. *Geschichte der Shakespeare'schen Dramen in Deutschland*. Leipzig, 1870. S. 100–101, 134–135, 236.
16. *William Shakespear's Schauspiele Neue Ausgabe von J.-J. Eschenburg, op.cit., 1777. Bd. 9. S. 323–442.*
17. *Yuliy Tsezar', tragediya Villiama Shekspira* [Julius Caesar, the tragedy of William Shakespeare]. Moscow, Tip. Kompanii Tipograficheskoy Publ., 1787. 136 p. (in Russian).
18. Fridshteyn Yu. «U anglichan odin Shekspir». *Vmesto vstupleniya* [“The British have only Shakespeare”. Instead of introduction]. *Uil'yam Shekspir. Yuliy Tsezar'*. Perevod N. M. Karamzina [William Shakespeare. Julius Caesar. Translation by N. M. Karamzin]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2016. P. 9 (in Russian).
19. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow Journal]. 1791. Part. Kn. 1. January. Pp. 62–79 (in Russian).
20. Levin Yu. D. *Ossian v russkoy literature. Konets XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Ossian in Russian literature. End of VII - first third of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Pp. 27–31 (in Russian).
21. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of the Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984 (in Russian).
22. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow Journal]. 1791. Part II. Book. 2, May (in Russian).
23. *Osvobozhdennyy Ierusalim, iroicheskaya poema italiyanskogo stikhotvortsy Tassa, perevedena s frants. Mikhaylom Popovym. Ch. I* [The liberated Jerusalem, the heroic poem of the Italian poet Tass, translated from French by Mikhail Popov. Part 1.]. Saint Petersburg, pri Imp. Akad. Nauk Publ., 1772 (in Russian).
24. Tombo R. *Ossian in Germany. Bibliography, General Survey, Ossian's Influence upon Klopstock and the Bard's*. New York, 1966.
25. *The poems of Ossian. Translated by James Macpherson. In two volumes. Vol. I. London, 1796.*
25. *The poems of Ossian. Translated by James Macpherson. In two volumes. Vol. I. London, 1796.*
26. Shishkov A. S. *Rassuzhdeniye o starom i novom sloge rossiyskogo yazyka* [Reasoning about the old and new styles of the Russian language]. Saint Petersburg, 1803. Pp. 358–359. (in Russian).
27. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow Journal]. 1792. Part VI. Book 2. May (in Russian).
28. *Moskovskiy vedomosti* [Moscow Gazette]. 1795. № 27. Pp. 657–659; № 28. Pp. 674–675; № 29. Pp. 687–688; № 30. P. 704 (in Russian).
29. *Moskovskiy vedomosti* [Moscow Gazette]. 1795. № 73. Pp. 1404–1405 (in Russian).
30. *Moskovskiy vedomosti* [Moscow Gazette]. 1795. № 82. Pp. 1404–1405 (in Russian).
31. *Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitrievu. S primechaniyami i ukazatelem, sostavlennymi Ya. Grotom i P. Pekarskim* [Letters of N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev. With notes and a pointer, compiled by Ya. Grot and P. Pekarsky]. Saint Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1866. 95 p. (in Russian).

Kafanova O. B., Admiral S. O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (ul. Dvinskaya, 5/7, Saint-Petersburg, Russian Federation, 198035). E-mail: olg_kaf@mail.ru